

ТРЕТИЙ РЕЙХ И СССР. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Сергей Кормилицын

ОРДЕН СС ИЕЗУИТЫ ИМПЕРИИ

О чем не принято
говорить

ПИТЕР

Сергей Кормилицын

**Орден СС. Иезуиты империи.
О чем не принято говорить**

«Питер»

Кормилицын С. В.

Орден СС. Иезуиты империи. О чем не принято говорить /
С. В. Кормилицын — «Питер»,

Орден СС до сих пор остается загадкой для большинства российских читателей. Наше сознание отягощено целой грудой исторических мифов. Мы свято верим, что «Аненербе» была зловещей организацией, практикующей черную магию, Орден СС был наследником тамплиеров, Генрих Гиммлер – сверхъестественной личностью, а Адольф Гитлер – так и вовсе медиумом или адептом, заключившим сговор с Сатаной. Но почему-то никто не спешит задавать вопросы, лежащие буквально на поверхности. Может быть, дело в том, что мы боимся получить на свои вопросы обстоятельные ответы? Что случилось со «страной господина профессора», какой была Германия в начале XX века, буквально в одночасье превратившейся в казарму? Почему немцы были так безоговорочно преданы Гитлеру? Почему генералы, почувствовав перелом в ходе войны, не сбросили Гитлера и не взяли власть страной самостоятельно? Что, собственно, представлял собой «Черный орден», пронизывающий, наподобие позвоночника, все гитлеровское государство? Все это можно с легкостью объяснить мистикой. Однако разглагольствовать о Граале, копье Лонгина и эзотерических экспедициях в Тибет проще, чем пытаться найти ответы на эти вопросы. Может быть, мы попробуем?

© Кормилицын С. В.

© Питер

Содержание

От автора, или Для чего и зачем эта книга	5
Введение, или Для чего обо всем этом нужно говорить и нужно ли вообще	7
Мораль, аморальность или антимораль, или Для начала о гансах, фрицах и немцах вообще	9
Черный креп и коричневая рубашка, или О том, почему немцы так любили военную форму и что значит череп на рукаве	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Кормилицын

Орден СС

Иезуиты империи

О чем не принято говорить

От автора, или Для чего и зачем эта книга

Начиная больше полутора десятков лет назад заниматься историей Германии, я не мог даже представить себе, что когда-нибудь обращусь к теме «охранных отрядов»¹ НСДАП. Уж больно эта тема, с одной стороны, неприятная и скользкая, а с другой – «истоптанная» журналистами и пропагандистами от истории, авторами низкопробной беллетристики.

Неприятная – потому что тут опасно высказывать собственное мнение, если оно хоть чуть-чуть выходит за рамки сложившегося канона. Шаг влево, шаг вправо – и ты автоматически оказываешься ревизионистом, оскорбляющим своей писаниной память предков, пытающимся оправдать убийц, ставящим под сомнение факт холокоста. По нынешним временам, когда даже в здоровом стремлении народа сохранить свою культуру принято видеть проявление национализма, а историка, стремящегося выяснить, где заканчиваются пропагандистские измышления и начинается истина, приравнивают к скинхедам, такое обвинение опасно настоящему. Буквально губительно для научной репутации. «Полезнее для здоровья» обойти эту запретную зону стороной.

Тема «истоптанная», потому что только ленивый автор книжек в бумажных обложках не использовал «нацистские мотивы». Даже такие классики «пугалочек», как Дин Кунц и Стивен Кинг, не удержались от подобного рода спекуляций. Что уж тут говорить об отечественных авторах?!

Но тем не менее обратиться к этой теме пришлось.

В первую очередь потому, что, как выяснилось, об СС неизвестно практически ничего. Нет, есть, конечно, целый набор пропагандистских штампов, которые используют все, кому только не лень: черные мундиры, кожаные плащи, возрождение язычества и руническая символика, концлагеря и путешествия в Тибет. Все, кажется? А, нет, еще, разумеется, сатанизм, гомосексуализм и бесчеловечные опыты на людях. Вы уверены, что этих знаний об СС хватит, чтобы понять, чем занималась эта организация? Вот и мне так не кажется. А между тем понять, что же это был за враг, которого с таким трудом победили наши деды и прадеды, было бы как минимум полезно.

Во-вторых, как-то так получилось, что «эсэсовский след» попался мне буквально повсюду, какой бы темой в истории Третьего рейха – пусть даже совершенно безобидной, как, скажем, коневодство, ремесла, воспитание детей-сирот, стихосложение, – ни приводилось мне интересоваться. Пресловутые черные мундиры мелькали буквально повсюду. Оказалось, что охранные отряды – структура куда более сложная, чем принято думать, структура, пронизывающая практически все государство национал-социалистов, – так что впору говорить не о Германии Гитлера, а о Германии СС. Поэтому слишком велико оказалось искушение потянуть за ниточку и хотя бы слегка размотать клубок компетенций, посмотреть, чем занимались черно-мундирники кроме своих, так сказать, непосредственных функций.

¹ «Охранные отряды» – именно так дословно переводится «SS» – «Schutzstaffel».

В-третьих, есть вопрос, без ответа на который и думать нечего понять историю минувшего столетия: почему немцы так легко подчинились новой идеологии, разом, казалось бы, сменили не только мировоззрение, но и мораль – и почему, стоило режиму Гитлера пасть, они легко вернулись к предыдущему состоянию? Ответив на этот вопрос, можно отчасти понять и собственную историю, попробовать отыскать корни революционного безумия, охватившего некогда нашу собственную страну. Впрочем, это уже вторично. Важнее понять, какие рычаги влияния использовали гитлеровские идеологи. Почему у них так легко получалось манипулировать нацией? Потому что предупрежден – значит, вооружен. Ибо старые, но действенные методы используются снова и снова. Понимание сути этих процессов важнее даже понимания политических, дипломатических, экономических «раскладов» эпохи.

Наконец, есть еще одна причина, по которой мне захотелось свести воедино всю информацию о Черном ордене, попытаться систематизировать обрывочные сведения, понять, что же это была за организация. Дело в том, что все таинственное, запретное, неизвестное принято окружать легендами. Либо романтическими, либо страшными. За минувшие со времен войны десятилетия отечественные и западные пропагандисты наворотили вокруг СС огромное число страшных легенд. Настолько основательных, что молодое поколение, вообще нервно реагирующее на навязчивую пропаганду, замучила «отдача»: охранные отряды стали романтизировать. При этом вера молодых в самые бульварные версии столь же свята и непоколебима, как вера старших в мифы, созданные военными пропагандистами. Ситуация, согласитесь, идиотическая, с какой стороны ни посмотри.

А значит, настала пора серьезно и взвешенно, без лишних эмоций, сказать правду. Разложить по полочкам все, что мы действительно знаем, а мифы и выдумки отправить на свалку истории.

Не торопитесь возмущаться, никто никого не спешит оправдывать. Просто попробуем разобраться. Вместе. Вы, я надеюсь, не против?

С уважением,

Сергей Кормилицын

Введение, или Для чего обо всем этом нужно говорить и нужно ли вообще

*Муж неразумный
Все знает на свете,
В углу своем сидя,
Но не найдет он
Достойных ответов
В дельной беседе.*

«Речи Высокого»

Эта книга ни в коем случае не является попыткой кого бы то ни было оправдать и обелить. Это – ни в коем случае не результат стремления к пересмотру истории. Напротив, задача ее – расставить точки над «i». Выяснить, с кем все-таки воевали наши отцы и деды?

Если враг был столь ничтожен, как он выглядит на карикатурах времен Великой Отечественной, – то отчего так сложно было переломить ход войны, почему победа потребовала таких колоссальных человеческих потерь, далась такой дорогой ценой?

Если он был, напротив, действительно силен, в чем заключалась его слабость, позволившая взять над ним верх?

Если все без исключения солдаты германской армии были такими зверями и выродками, какими их принято изображать, то откуда взялось такое количество зверей и выродков? Как целая нация успела в считанные годы превратиться в скопище моральных уродов, находивших, судя по описаниям, удовольствие в изощренном садизме и публичных казнях?

Но если – опять-таки – все они ни в чем не были виноваты, как подчас хочется изобразить некоторым авторам, что делать с документальными свидетельствами, мемуарами, описаниями реальных событий, не укладывающихся ни в какие рамки морали и здравого смысла?

Наконец, если речь идет о том, что реально виновны не все, а лишь некоторые, давайте укажем на них, если не поименно, то хотя бы в общем. И уясним для себя, чем они отличались от всех прочих. Почему их понятия о морали, представления о том, что дозволено, а что является преступлением, отличались от принятых остальными, то есть подавляющим большинством людей?

Говоря проще, главная цель этой книги – прекратить войну. Ту войну, что по сей день продолжается в наших умах. Если посмотреть здраво, нам нечего больше делить с немецким народом: те, что были реальными виновниками Второй мировой, уже давно в могиле, равно как и те, на чьей совести большинство преступлений, в ходе войны совершенных. Нынешние немцы не могут и не должны быть в ответе за то, что происходило два поколения назад.

Другая цель, не менее важная – непредвзято рассмотреть опыт Третьего рейха. Далеко не все созданное в гитлеровской Германии плохо по определению. Использовать опыт врага, захваченное в бою оружие никогда не считалось зазорным, так отчего бы не исследовать наследство национал-социалистического режима? Германские идеологи и вожди государства преследовали не только разрушительные цели: во многом они работали на созидание. И их наработки не являются для нас настолько уж чуждыми: СССР и Третий рейх были весьма сходны между собой, так что многие вещи, которые недоступны пониманию подданных западных демократий, не имевших столь недавнего тоталитарного опыта, для нас более чем понятны.

Другое дело, что большая часть планов реформирования общества не была реализована по той или иной причине: на что-то просто не хватило времени, другое оказалось слишком сложноосуществимым. Но рациональное зерно, присутствующее во многих действиях руково-

дителей Третьего рейха, достойно того, чтобы его выделили и как минимум приняли к сведению. По крайней мере в том, что касается поддержания национальной идентичности, защиты народной культуры, предотвращения вымирания народа. Следует обратить внимание и на разрушительные компоненты, локализовать их, но уже не для применения на практике, а с тем, чтобы, напротив, их применения не допустить. До тех же пор, пока наследство Третьего рейха остается, так сказать, неразобранным, лежит неопрятной грудой в самой дальней кладовке, остается опасность, что оно попадет совсем не в те руки. А в этом случае оно может быть реально употреблено во зло. Отрицать необходимость этой работы – значит, уподобляться «мужу неразумному» из приведенного эпитафия.

Итак, попробуем разложить все по полочкам. Хотя бы то, что лежит на поверхности, делая содержимое кладовой особенно пугающим и отталкивающим. То, о чем мы всегда опасались спрашивать.

Мораль, аморальность или антимораль, или Для начала о гансах, фрицах и немцах вообще

*Мараль, конечно, – это хорошо, кто спорит.
Но хорошо-то хорошо, да ничего хорошего.
Окромя марали, еще много чего в жизни есть.
Как посмотреть.*

Татьяна Толстая. «Кысь»

Изображать противника – настоящее искусство. Главное тут – не перейти определенную грань, не сделать образ врага слишком мрачным или слишком юмористичным. В первом случае он может оказаться пугающим, во втором, напротив, вовсе не будет внушать опасения и ненависти. Деятельность пропагандиста в этом смысле подобна балансированию на лезвии бритвы: любое чрезмерное смещение акцентов может привести к последствиям, мягко говоря, нежелательным.

Советская пропаганда в таких «танцах на волосном мосту», между правдой и вымыслом, преуспела чрезвычайно. Для того чтобы убедиться в этом, стоит лишь перелистать наши газеты времен войны. Искусность изображения «фрицев» просто поражает. Образ врага вызывает одновременно презрение и искреннюю ненависть. Классический «фриц» со страниц газеты «Правда» – безжалостный зверь и палач и одновременно персонаж откровенно придурковатый и незадачливый. Естественно, что о наличии у «фрицев» какой бы то ни было морали и нравственности и речи быть не могло: что за мораль у убийц и грабителей? Создателям такого образа врага было на руку и то, что к немцам в России всегда относились весьма настороженно, подозревая их в разного рода тайных злоумышлениях и извращениях, но при этом ничего толком о них не знали. Поэтому даже совершенно фантастичные утверждения относительно морального облика врага воспринимались вполне естественно и не вызвали внутреннего протеста. Например – заявление о том, что каждый немецкий солдат носит в кармане специально составленное и изданное по заказу генерального штаба пособие «Как изнасиловать женщину». Или обвинение немцев в изготовлении глицерина и мыла из тел узников концлагерей.

Этот пропагандистский миф, до сих пор бытующий в народных представлениях о зверствах нацистского режима, был на самом деле запущен задолго до того, как впервые прозвучало это название «национал-социализм». Его авторы – английские армейские пропагандисты времен Первой мировой войны. Показательно, что по завершении боевых действий Англия публично принесла Германии извинение за использование такого рода сюжетов в военной пропаганде, но миф оказался куда более живучим, чем считали его создатели, – он продолжает существовать по сей день.

Или, наконец, гомосексуализм в немецкой армии и войсках СС – излюбленный сюжет нынешних желтых журналистов. Надо сказать, что такой прием уже был испытан не раз: чего стоит, скажем, вызвавшее некогда погромы и убийства утверждение, что евреи замешивают мацу на крови христианских младенцев! Аморальность противника была и остается одним из пропагандистских козырей: обвиняя противника во всех смертных грехах, изображая его безнравственным, легче манипулировать общественным сознанием.

Разумеется, никто не пытается причислить солдат оккупационной армии к ангельскому чину: любая война расшатывает моральные устои, стирает тонкий налет цивилизованности, выхолащивает нравственность. Таково уж главное свойство излюбленного человечеством сред-

ства разрешения конфликтов. Однако, говоря о немцах – точнее, о немецких солдатах, тех представителях германского народа, по которым наши отцы и деды судили о нации в целом, – невозможно да и несправедливо обойтись максималистскими ярлычками. Все было намного сложнее, чем мы, приученные к одной-единственной на всех точке зрения, привыкли думать.

Во-первых, речь идет о громадной массе людей. Не биороботов, склепанных на заводе по единой схеме, не марионеток, послушно марширующих под звуки маршей, а живых людей. Разных по рождению, воспитанию, личным качествам. Среди них были прирожденные солдаты и вынужденные участвовать в войне интеллигенты, практичные крестьяне, которым не в диковинку кровь и не в новинку тяжелая работа, – и горожане, дети декадентских двадцатых годов. Среди них были тупые исполнители и мечтатели, хладнокровные убийцы и благороднейшие люди. Они не были единым конгломератом, лишенным эмоций. Напротив, каждый из них, даже оглушенный своей собственной пропагандой и искусно встроенными в мировоззрение императивами, оставался личностью – цельной и самостоятельной. Посему судить всех скопом, выносить суждение разом обо всех, кто находился по ту сторону фронта, по меньшей мере глупо и, что называется, не по-божески.

Иными словами, как писал Гвидо Кноп, «организация СС стала зеркальным отражением немецкого общества. Подавляющее большинство его граждан были „абсолютно нормальными людьми“, которые в совершенно ненормальных условиях становились преступниками. / .../ Из тех, кто стал преступником, далеко не все осознавали, что творят зло».²

Не стоит забывать и о том, что процент благородных людей и мерзавцев, или, пользуясь библейской терминологией, агнцев и козлищ (сиречь крайних проявлений человеческой природы), в обществе сравнительно невелик. Гораздо больше как среди нас, так и среди немцев 1930-1940-х годов людей средних, в которых поровну от ангела и от зверя. Оглянитесь вокруг – да что там, просто взгляните в зеркало – и вы поймете, что это утверждение более чем справедливо. Средневековая притча о светлом и темном ангелах, сопровождающих человека всю жизнь и нашептывающих ему добрые или злые помыслы, не так уж и неверна. Среди тех, кто с оружием в руках шел по русской земле на восток, были не только отъявленные негодяи. Напротив, это скорее исключение. Большинство солдат вермахта были обычными людьми, которые пошли на войну не по зову души и велению сердца, а просто потому, что «так надо». Это не делает их хуже или лучше: в конце концов, они были послушным орудием, подчиняющимся мановению руки партийных дирижеров. Если мы осуждаем среднего немца за само участие в войне, то что мы сможем сказать о наших соотечественниках, так же, по указке правящей тоталитарной партии отправлявшихся в 1939-м завоевывать финские земли? Между нами говоря, этот эпизод нашей истории – один из самых позорных, но позорных именно для руководства страны, а не для тех, кто выполнял приказ, будучи свято уверен в справедливости и необходимости совершающегося. Речь-то как раз о том, что от простого солдата, призванного на фронт, зависело мало что.

Однако вернемся в Германию. Для немецкого обывателя идея о необходимости расширять границы рейха была гораздо более органичной, нежели мысль об уклонении от службы в армии. В первую очередь потому, что режим, призывающий его на войну, буквально только что вытащил его из нищеты, а страну из разрухи. С его точки зрения, этот режим правления был просто прекрасным.

Что же касается сопровождавших триумфальное шествие национал-социализма репрессий, то тут вопрос сложный. К социал-демократам и коммунистам средний немец никакой привязанности не питал: первые так и не сумели навести порядок в полуразрушенной войной и репарациями стране, а вторые были, на взгляд законопослушного бюргера, чересчур деструктивны. Тем паче не было любви и к евреям, которые в силу свойственной их национальному

² Цит. по: Кноп Г. СС: черная инквизиция. М., 2005. С. 11.

менталитету пассионарности всеми путями рвались к власти, входили в руководящие группы различных политических партий. Сложилось так, что именно социал-демократическая и коммунистическая партии вместили в себя в ту пору наибольшее число представителей этого древнего народа. Были и другие евреи: они вызывали неприязнь своей – опять-таки национальной корпоративностью, благодаря которой еврейские общины сравнительно легко переживали экономические и социальные потрясения, гораздо более болезненные для индивидуалистичных немцев. А порожденные свойственной практически любому (в том числе – не будем скрывать и открещиваться – и нашему) народу ксенофобией слухи и домыслы вызывали гамму эмоций – от ощущения некоей опасности, исходившей от странных и необъяснимых чужаков, до открытой ненависти. Посему репрессии против левых и постепенное, незаметное исчезновение евреев не умаляли восхищения, которое обыватель испытывал по отношению к Гитлеру и его соратникам.

И когда власти призвали бюргера взять в руки оружие – он сделал это не по злобе, но потому, что иного образа действий просто не представлял. А уж когда пропагандисты заявили о злоумышлении Советского Союза против его великой германской Родины, никаких сомнений в справедливости пресловутой «превентивной войны»³ у него и вовсе не осталось. Но, воюя, каждый немец проявлял те качества, которые изначально были ему присущи. Война, сняв общепринятые ограничения и запреты, лишь позволила каждому стать самим собой в большей мере, чем это было возможно в мирное время. И вот скрытый садист и мерзавец сразу оказался на виду, впрочем, так же как и тот, кто был человеком не потому, что «так положено», а потому, что не мог иначе. Именно поэтому, если отбросить пропагандистские штампы и обратиться к свидетельствам очевидцев событий, можно убедиться, как рознятся воспоминания о немецких солдатах людей, переживших войну на оккупированных территориях. Одни говорят о зверях и насильниках, убивавших и сжигавших всех и все на своем пути, другие – о вполне адекватных людях, пытавшихся ладить с местным населением. Повторим еще раз: и по ту, и по другую линию фронта воевали не запрограммированные роботы, а живые люди: хорошие, плохие, благородные, подлые – разные.

Во-вторых, если уж речь зашла о том, что человек человеку рознь, стоит упомянуть и о том, что в ходе войны нашим гражданам приходилось сталкиваться с разными подразделениями, выполнявшими различные задачи. Соответственно, и контингент в них не мог быть одинаковым. Обычного солдата вермахта, всего лишь привычно выполняющего свой солдатский долг, или гвардейца из войск СС, фанатично преданного режиму и партийному руководству, но обладавшего весьма строгим, хотя порой и довольно своеобразным кодексом чести, нельзя ставить на одну доску с карателями и палачами из «особых подразделений» СС или лагерными охранниками. Это были, мягко говоря, разные люди. Подтверждается это, к примеру, тем, что гвардейцы всеми силами противились смещению именно гвардии и карательных групп. Как показывает практика, кадровый солдат войск СС предпочел бы скорее покончить с собой, нежели подчиниться приказу о переводе в зондеркоманду: отношение к этой публике было в рядах СС весьма и весьма специфичным. И уж тем более никто не говорит о таких представителях германской нации, как подчиненные Оскара Дирлевангера, – это в полном смысле слова недочеловеки.

В-третьих, мы по сей день очень мало знаем о войне и еще меньше – о нашем противнике. Обилие книг по тематике Третьего рейха, сам интерес к этому периоду германской истории – все это в значительной мере объясняется желанием понять: с кем же мы воевали? Где заканчивается пропаганда и начинается истина? При чем пропаганда и советская, и национал-социалистическая. Читая документы Третьего рейха, можно легко подпасть под очарование этого госу-

³ То есть войны упреждающей. Этот термин, придуманный в 1941 г. германским министром народного просвещения и пропаганды Йозефом Геббельсом, стал почти культовым в России после публикации книг В. Суворова.

дарства, почувствовать восхищение стройностью его структуры и отлаженностью механизмов, оценить весьма благородно звучащие лозунги и постулаты – основу идеологии национал-социализма. Столь же, пожалуй, несложно, как и проникнуться жгучей и нерассуждающей ненавистью к этому государству и всем его жителям, «перебрав» с чтением отечественной прессы военных лет.

Дирлевангер Оскар (1895–1945) – оберфюрер СС, член НСДАП с 1933 г. В 1937 г. добровольцем вступил в легион «Кондор», воевавший в Испании. В 1939-м перешел в чине оберштурмфюрера в войска СС. В сентябре 1940 г. сформировал особое подразделение СС – карательный батальон «Дирлевангер», состоявший из преступников и заключенных концлагерей, которые такой ценой купили себе свободу. Впоследствии это подразделение разрослось до дивизии. К службе в батальоне привлекали военнотружущих всех родов войск вермахта, люфтваффе и ваффен-СС, совершивших правонарушения, которые в гражданской жизни классифицировались бы как преступления. Весной 1943 г. возможность добровольного вступления в батальон была предоставлена всем осужденным. Личный состав подразделения отличался крайней жестокостью. Батальон проводил массовые расстрелы населения. При подавлении Варшавского восстания подчиненные Дирлевангеру части организовали массовую резню мирного населения. В июне 1945 г. Оскар Дирлевангер был захвачен польскими солдатами из состава французского оккупационного корпуса и убит в городской тюрьме городка Альтхаузен.

Не будем впадать в крайности: признаем, что сегодня мы знаем о подданных Адольфа Гитлера немногим больше, чем 60 лет назад. Многочисленные книги в традиционных уже черно-красных обложках редко содержат ответы на какие бы то ни было вопросы: чаще всего это не слишком адекватные «скороспелки», написанные не очень профессиональными авторами в режиме «срок сдачи – вчера» по заказу издательств, которые привыкли спекулировать на читательском спросе. Эти «труды» не только не проливают свет на требующие непрерывного изучения вопросы, но и, что хуже всего, искажают истину, скатываясь до болтовни о «поиске Святого Грааля», «мистике СС», «магии Черного ордена», «наследстве атлантов» и прочей белиберде. Читатель же, чаще всего неискушенный и уверенный лишь в том, что в советское время его обманывали и скрывали от него правду, глотает эту «выпечку», производимую немалыми тиражами. Так что остается с печалью констатировать: то, что из идеологических соображений практически вся информация о национал-социалистическом государстве была закрытой, принесло больше вреда, нежели пользы. Потому что именно в этом причина, скажем, столь модной сегодня среди молодежи романтизации Третьего рейха, превращения гитлеровского государства в нечто легендарное, безумно запретное и таинственное, а потому – тем более интересное. Будь все данные, все факты и источники открытыми, «Мою борьбу», к примеру, не хранили бы под подушкой, читая тайком от родителей. Просто потому, что это довольно занудная книжка, сыгравшая свою роль в начале XX века, но никому, честно говоря, не нужная сегодня. Впрочем, об этом разговор особый, и не в данном разделе книги.

Что же в итоге? А в итоге нам остается признать, что привычные представления о нашем противнике в Великой Отечественной войне отнюдь не полны. Ибо будь это так, соответствующий постулаты отечественной литературы на эту тему или, тем более пропаганды времен войны истине, пришлось бы признать, что одна из самых продвинутых в духовном плане стран Европы, родина Гегеля и Канта, под воздействием некоей тайной силы, некоего морока вдруг

превратилась в прибежище убийц и людоедов. В считанные дни, стоило имперскому президенту Паулю фон Гинденбургу подписать указ о назначении Адольфа Гитлера имперским канцлером. Причем морок этот развеялся точно так же, в считанные дни, стоило красному знамени подняться над Рейхстагом. Что ни говори, критики такая версия не выдерживает. Однако именно ее зачастую выбирают в качестве основной те, кто склонен, живописуя историю Третьего рейха, сводить все к роли одной или максимум нескольких персон, стоявших у власти. Нет, это, бесспорно, удобно: можно назвать конкретных виновников вершившегося в Европе беспредела, оправдать рядовых обывателей, заявив, что они находились под гипнозом, под воздействием харизмы Гитлера, под влиянием черной магии, практикуемой верхушкой НСДАП и пр. Одна беда – это не соответствует истине. Лидер Третьего рейха, несомненно, фигура яркая и харизматическая, однако не исключительная. В сложившихся обстоятельствах его место мог бы занять и другой человек: вряд ли сумма событий и последствий от этого сильно изменилась бы. Да и рассуждения о магии в Третьем рейхе – из разряда ненаучной фантастики. Не было в природе таинственного морока, затмившего разум немцев.

А что тогда было? Почему претерпела такие изменения мораль и нравственность целого народа? Какие механизмы были запущены, чтобы добиться пресловутой деформации личности у подданных гитлеровского режима. Да и вообще: была у вторгшихся на территорию Советского Союза агрессоров мораль или ее не было вовсе?

Разумеется, была. Другое дело, что установки, на которых базировались моральные и нравственные нормы Третьего рейха, весьма значительно отличаются от общепринятых. Но в то же время установки эти не были чем-то совершенно новым. Пропагандисты, состоявшие на службе гитлеровского государства, не стали изобретать велосипед, а всего лишь воспользовались в своих целях подручным материалом, приняв за основу черты, изначально присущие немецкому национальному характеру, – что-то они гипертрофировали, что-то свели к минимуму. Сразу скажем, что работа это была кропотливейшая, чем-то сходная по методике с той, что применяют для обработки прихожан тоталитарные секты. Но одно дело – несколько десятков, в лучшем случае тысяч человек, а другое – целая нация!

Впрочем, уникальной такую обработку не назовешь: в той или иной мере к ней прибегали все режимы тоталитарного толка. Лидеры советского государства, скажем, тоже пытались встроить в общество новую мораль, достойную, по их мнению, того мира, к построению которого они стремились. Наиболее одиозные проекты – типа «теории стакана воды» и принципа обобществления женщин – им внедрить не удалось, однако во многом их деятельность стоит считать успешной.

Примерно так обстояли дела и в Третьем рейхе. Постепенно, далеко не сразу, подкрепленная должным образом проработанной мотивацией, обществу преподносилась слегка измененная мораль. Чуть-чуть иначе стали выглядеть понятия о добродетели, чуть-чуть иначе – о грехе; границы дозволенного, с одной стороны, слегка расширились, а с другой – стали куда более четко очерченными (мы разберем все эти моменты подробнее в следующих главах); сместились акценты в понимании добра и зла – порой неощутимо для самих подданных рейха, но более чем заметно для окружающих.

Что же в итоге? Носители идеологии национал-социализма были высокоморальны и нравственны, только на свой собственный манер, не имеющий ничего общего с довлеющей в Европе христианской традицией. Естественно, что их мораль зачастую кажется нам откровенно дикой. Однако отрицать ее существование по меньшей мере глупо: исторические факты не имеют обыкновения изменяться от того, признаем мы их или, напротив, опровергаем. Разумеется, новые нормы не были приняты всеми гражданами рейха без исключения. Не все же, скажем, граждане СССР были ярыми поклонниками новой культуры, насаждаемой правящей партией! Так и в Германии времен Гитлера отнюдь не всем были по нраву новые порядки. Однако немецкий менталитет предполагает настоящую законопослушность, верность присяге,

законам, правилам и установлениям, посему обыватель, пусть даже ему и не нравились откровенно антихристианские эскапады властей предрержащих, никакого противодействия идеологам Третьего рейха не предпринимал.

Вероятно, мы вправе сказать, что именно в отрицании христианских заповедей, в отказе от наследия Рима и кроется отличие, делавшее подданных Адольфа Гитлера более чуждыми и непонятными для окружающих европейских народов, чем, скажем, племена Амазонии или готтентоты.

Почему же немцы, столько столетий подряд находившиеся в лоне христианской церкви, столько воевавшие, с оружием в руках отстаивая правильное понимание библейских постулатов, активно христианизировавшие приграничные народы, вдруг поддались антихристианским настроениям? Причина этого прежде всего в чересчур усердных поисках национальной идеи.

Представьте себе некогда великую страну, диктовавшую волю всему христианскому миру, державшую в ежовых рукавицах Ватикан, лелеявшую планы практически бесконечного расширения на восток, которая в результате затянувшейся религиозной войны распалась на триста с лишним отдельных государств. Превратилась в лохмотное одеяло из карликовых княжеств, курфюршеств, королевств, не способных вести сколь бы то ни было самостоятельную политику. Такова была Германия к середине XVII века. Вестфальский мир, заключенный по итогам Тридцатилетней войны, конечно, спас народ от окончательной гибели в результате локальных конфликтов, голода и эпидемий, но погубил государство. На протяжении последующих двухсот лет Германию несколько раз порывались объединять на тех или иных началах, однако назвать такие эксперименты успешными значило бы погрешить против истины. Настоящее объединение страны удалось лишь одному реформатору – Отто фон Бисмарку, железному канцлеру прусского короля Фридриха Вильгельма IV.

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898) – германский государственный деятель, князь. В 1859–1862 гг. прусский посланник в России, в 1862 г. – во Франции. С 1862 г. министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Был инициатором конвенции 1863 г. с правительством царской России о возможных мерах по совместному подавлению восстания в Польше. Опираясь на мощь прусской армии, Бисмарк в результате Датской войны 1864 г., Австро-прусской войны

1866 г. и Франко-прусской войны 1870–1871 гг. осуществил объединение Германии «сверху» на прусско-милитаристской основе. После создания в 1867 г. Северо-Германского союза стал его канцлером, а в 1871–1890 гг. был рейхсканцлером Германской империи, в которой господствующую роль играла Пруссия. В 1870-х гг. во время так называемого Культурkampfа выступал против клерикально-партикуляристской оппозиции, поддержанной католической церковью. В 1878–1890 гг. был инициатором создания Исключительного закона против социалистов. Выступал против намерения германских военных кругов начать превентивную войну с Россией, считая, что война с Россией была бы чрезвычайно опасной для Германии. В марте 1890 г. вышел в отставку.

Однако собранная им из обломков страна долгое время оставалась своеобразным «пазлом». Каждая ее часть, каждый регион существовали в рамках единого государства, но при этом оставались самостоятельными, сохраняя, прямо скажем, излишнюю самобытность как в культуре, так и в политике. Для того чтобы объединение страны произошло не только на бумаге, но и на деле, немцам была необходима национальная идея. Одна на всех. Такая, что

объединила бы пруссаков, которых баварцы считали сухарями и солдафонами, и баварцев, которых пруссаки искренне считали безумцами и алкоголиками, саксонцев, которых вся Германия именovala деревенщиной, и надменных голштинцев.

Источником такой единой национальной идеи должно было стать великое германское прошлое. Посудите сами: другого подходящего базиса для формирования национальной идеи просто не было. Германия после объединения оказалась в самом хвосте списка европейских держав. У некогда великой державы не было колоний – ни внешних, ни внутренних, не было высокоразвитой промышленности (если не говорить о Пруссии), не было возможностей для считавшегося на ту пору единственно верным экстенсивного развития – за счет расширения территории страны. Фактически можно сказать, что до захвата первых колоний Германская империя была империей лишь по названию. Если не считать блестящей победы над Францией, результатом которой и стало, собственно, воссоединение германских земель, немцам гордиться было особенно нечем. То есть у каждого региона были свои поводы держать флаг высоко поднятым, но в качестве объединяющего народы фактора они как-то не подходили.

Фактически отцами германской национальной идеи были братья Grimm. Те самые собиратели страшноватых народных сказок, на которых выросло не одно поколение юных немцев и, должно быть, не меньше наших соотечественников. Именно они еще в самом начале позапрошлого века заинтересовались дохристианским прошлым Германии, попытались разыскать те элементы народной культуры, которых не коснулось влияние Рима.

Братья Grimm, Якоб (1785–1863) и Вильгельм (1786–1859) – немецкие филологи, профессора Гёттингенского университета. С 1841 г. профессора Берлинского университета и члены Прусской АН. Близкие к немецким романтикам, братья Grimm опубликовали средневековые тексты: «О старонемецком майстергезанге», «Цветник роз», «Бедный Генрих», «Рейнеке-Лис», исследование «Германские героические сказания». Их заслуга также – издание сборников «Детские и семейные сказки» и «Немецкие предания».

Именно Якоб и Вильгельм Grimмы вызвали первую волну интереса к народной культуре, к дохристианскому прошлому. Этот интерес, почтение к давно минувшим векам, так кстати подогреваемые сначала открытиями Жан-Франсуа Шампольона, а затем – находками Генриха Шлимана, и использовали пропагандисты «свежевоссозданной» империи для того, чтобы напомнить подданным еще вчера прусского, а теперь уже всегерманского короля – да что там короля, императора! – Вильгельма I, что они – один народ, причем происходящий от великих корней.

Шампольон Жан-Франсуа (1790–1832) – французский египтолог, основатель египтологии, иностранный почетный член Петербургской АН. Изучив трехязычную надпись на Розеттском камне, разработал основные принципы дешифровки древнеегипетского иероглифического письма. Автор первой грамматики древнеегипетского языка.

Шлиман Генрих (1822–1890) – немецкий археолог. Открыл местонахождение Трои и раскопал ее, вел раскопки в Микенах, Орхомене и др.

Государственная пропаганда с благоговением произносила имена Карла Великого, Видукинда, Фридриха Барбароссы, а Отто фон Бисмарк между тем подыскивал для народа подходящего внутреннего врага, на ненависти к которому можно было бы сыграть, сплачивая подданных вокруг королевского трона, укрепляя власть монарха. Кандидатов на роль врага было

два – социал-демократы и ультрамонтаны – католики.⁴ И те и другие представляли собой силу, неподвластную правителю отдельно взятой страны, часть интернациональной, международной структуры. Оговоримся сразу: Бисмарк проиграл бой как с первыми, так и со вторыми и вынужден был отступить. Однако определенные семена в благодатную почву брошены были.

Разумеется, и до Отто фон Бисмарка и его «борьбы за культуру» в Германии и Австро-Венгрии были антихристианские настроения, но всплеск их, массовое обращение образованной немецкой публики к вере предков очень четко совпадает по времени с антикатолическими мероприятиями немецкого канцлера.

И вскоре они взошли: появилось целое поколение немецкой интеллигенции, отрицающей положительное влияние не только католической, но и вообще христианской церкви на германскую культуру. Для Германии, где к вопросам веры всегда относились весьма трепетно и были готовы устроить усобицу из-за расхождений в толковании библейской притчи, это было нечто новое. При этом антихристиански настроенные представители образованного общества не были банальными атеистами, как, предположим, российские народовольцы. Напротив, они были истинными богоискателями. Другое дело, что в поисках кумира, который заменил бы им Христа, они обращались в настолько отдаленные и темные времена, что самая память о них отрывочна и фрагментарна, в откровенную древность. Там они отыскивали полузабытых и покинутых богов своих предков – целый пантеон, некогда внушавший одним благоговение, а другим – суеверный ужас.

Были среди новых богоискателей и романтики, и благородные безумцы, и просто сумасшедшие. Впрочем, дело совсем не в том, были провозвестники новой идеологии в своем уме или же нет. Куда важнее, что на свет костра, который австрийский мистик-патриот Гвидо фон Лист разжег из искры, некогда зароненной братьями Гримм, собрались многочисленные представители австрийской и германской интеллигенции. Именно фон Листу, искренне считавшему себя последним жрецом Одина, принадлежит заслуга в создании невиданного до той поры мировоззрения – неоязычества. Мировоззрения, не просто оказавшего влияние на идеологию Третьего рейха, но ставшего его составной частью. Одной из важнейших. Какое все это имеет отношение к господствовавшим в Третьем рейхе моральным нормам? Самое непосредственное.

Лист Гвидо фон (1852–1919) – австрийский мистик, рунолог, астролог. Едва ли не первый германский неоязычник, основатель «Высокого ордена арманов» – тайного общества, призванного возродить и сохранить традиции скальдической поэзии, рунического письма и другие проявления древнегерманской дохристианской культуры. Автор книг «Тайна рун», «Жречество Одина» и др.

Среди почитателей учения фон Листа были такие известные персонажи, как Йорг Ланц фон Либенфельс – создатель расового учения, Генрих Гиммлер – будущий имперский руководитель СС, большинство соратников Гитлера, в тот или иной момент приложивших руку к формированию того, что нам известно как национал-социализм. Именно поэтому государство Гитлера так отличалось от окружавших его европейских держав. Западные страны были, да и по сей день остаются, устремленными в будущее, причем не только в плане технического прогресса, но и помыслами. Германия же эпохи владычества НСДАП, бурно развиваясь технически и научно, духовно была погружена в глубочайшее прошлое, в темные века, в Средневековье.

⁴ Ультрамонтаны – презрительное прозвище, данное Бисмарком католикам. Буквально: те, что глядят через горы, то есть живут с оглядкой на Рим.

Либенфельс Йорг Ланц фон (1874–1954) – немецкий религиозный фанатик, антисемит, один из создателей расового учения. Основал орден Верфенштейн, целью которого было содействовать «чистоте» расовых основ арийской нации. Издавал журнал «Остара», оказавший немалое влияние на формирование мировоззрения Адольфа Гитлера.

Причина этого в том, что практически все основатели национал-социалистического государства принадлежали если не к последователям Гвидо фон Листа, то к его почитателям, находились под сильным влиянием ориентированной на прошлое государственной пропаганды. Для них это обращение к минувшим векам было само собой разумеющимся, они выросли, постоянно слыша о том, сколь велика и могуча была Германская империя в прошлом, в мечтах о возвращении этого величия. Удивительно ли, что государство, которое они создали, тоже было обращено в прошлое? Стремясь воссоздать величие державы предков, они, как это в принципе свойственно человеку, создали вначале соответствующий антураж.

Тут надо остановиться на том, какие же времена вдохновляли национал-социалистов, что они считали эпохой расцвета германской славы. Конечно, эпоха завоеваний викингов или времена Тевтобургского леса⁵ – это безумно романтично, однако как-то не согласуется с имперской идеей. Посему источником национальной идеи стали времена расцвета рыцарских орденов. Каждый из них, находясь в вассальной зависимости от императора, обладал тем не менее немалой долей самостоятельности, огромными земельными владениями и активно развивался территориально, по преимуществу – на восток, неся народам Восточной Европы христианство западного образца, социальную структуру развитого феодального общества и все остальное, что считалось в Германии тех времен признаками высокой цивилизованности. Приняв этот период немецкой империи за образец, национал-социалисты взялись со всем тщанием воссоздавать орденскую Германию.

Единственным существенным отличием от принятого образца стал отказ от христианской идеи как основы цивилизации. В понимании лидеров правящей партии и руководителей ведомого ею государства именно в отказе от «чуждой» веры, в постепенном возвращении к «чисто германским» культурным и религиозным истокам был путь к возрождению величия немецкого народа. Нет, они были достаточно разумны и искушены в политической борьбе, чтобы не объявлять себя богоборцами и воинствующими безбожниками, как это сделали советские руководители. Смена религиозной составляющей должна была произойти постепенно, исподволь, не за одно поколение. Этим, собственно, и объясняется относительно мягкая религиозная политика национал-социалистов. Смотрите сами: протестантская церковь была просто подчинена режиму, с католической – заключен пресловутый конкордат, до сих пор остающийся грязным пятном на совести Рима, и только фанатики и сектанты подвергались гонениям. Христианство с его догматами и заповедями постепенно отодвинули на второй план.

Некоторые тоталитарные секты, как, например, пресловутые «Свидетели Иеговы», ставят себе в заслугу, что они «не пошли на соглашение с гитлеровским режимом и подвергались гонениям». Но на самом деле им никто соглашения и не предлагал – им было предназначено просто исчезнуть. Потому что промывка мозгов была монополией государства.

⁵ Тевтобургский лес (Teutoburger Wald) – гряда низкогорий в составе Везерских гор (Германия). Длина около 80 км, высота до 468 м. Осенью 9 г. н. э. германские племена во главе с Арминием Херуском уничтожили в Тевтобургском лесу три римских легиона Квинтилия Вара, что остановило продвижение римлян за Рейн.

Но в остальном можно говорить о Германии времен владычества национал-социалистов как об орденском государстве. Разве что, повторю, христианизаторская функция была заменена общецивилизаторской. Именно с орденской моралью мы и имеем дело, когда говорим о деяниях последнего наследника традиций и взглядов, взлелеянных меченосцами и тевтонцами, – ордена, получившего неофициальное название – Черный орден. Иначе говоря – СС. Структура СС была становым хребтом Третьего рейха, пронизывала его насквозь, вторгаясь во все области жизни государства, являясь носителем и гарантом идеологии национал-социалистического режима. Поэтому, когда мы говорим о морали немцев той поры, нам волей-неволей приходится во многом переключать свое внимание на СС, на те нормы, которые насаждались в ордене и за его пределами, потому что именно так можно понять, во что хотели превратить свою нацию лидеры самого проклинаемого за историю последних столетий государства.

Почему слова «идеальный немец» и «идеальный эсэсовец» стоят здесь через знак «равно»? По той простой и видимой невооруженным глазом причине, что именно Черный орден был элитой империи.

Его члены были лучшими из лучших с точки зрения руководства НСДАП, а следовательно, должны были подчиняться некоему идеальному кодексу, сходному с кодексом чести орденских рыцарей. По нему и предполагалось впоследствии равнять всю германскую нацию, приводя ее к единому знаменателю, к идеалу, устаревшему чуть меньше десятка столетий назад. Признаем, впрочем, что некоторые морально-нравственные установки, легшие в основу этого отчасти неписаного, а отчасти зафиксированного кодекса, звучат более чем благородно. Однако то, что декларируется основателями и идеологами, зачастую воплощается в совершенно искаженном виде. Это и произошло в Третьем рейхе.

Эрнст Рем о новой морали

Германия решительным образом отвергла демократическую идеологию – вот тот глубинный мотив, по причине которого до сего времени тщательно замалчивается подлинный характер событий, происшедших за последнее время в центре Европы. Национал-социалистическая революция ознаменовала собой полный разрыв с философией, питавшей Великую французскую революцию 1789 года. Последняя объявила основные права человека некой мистической данностью, торжественно утвердила равноправие и равенство мнений и, наконец, провозгласила высшей ценностью человеческий разум. Девиз «Свобода, равенство, братство» как некий победоносный ореол начал свой полет над завоеванным им цивилизованным миром. С точки зрения государственной политики он нашел свое внешнее выражение в виде западных демократий.

Физическая инерция и закон толпы привели к тому, что к демократической формуле присоединилась большая часть человечества.

Национал-социализм противопоставил этим ценностям силы, которые невозможно измерить в метрах или взвесить на весах, силы, которые нельзя осознать одним лишь разумом, – силы духа и крови! Национал-социалистическая и демократическая идеологии лежат в основе двух интеллектуально и морально различающихся миров. Невозможно увидеть и осмыслить даже внешние формы новой Германии, не попытавшись понять глубинные корни национал-социализма. Тот, кто считает возможным удовлетвориться только лишь поверхностными впечатлениями, не вдаваясь в природную сущность национал-социализма, никогда не поймет полностью того,

что происходит сегодня в Германии. Гребец, опускающий раз за разом свои весла в воду озера, видит лишь круги, расходящиеся на поверхности от его движений. Но если он сложит весла в лодку и остановит ее ход, он обязательно заметит под водной поверхностью многообразную жизнь, протекающую в глубинах волн.

То, чего мы хотим и что является центральным моментом всех наших устремлений, – это духовное преобразование всей германской нации. Сделать из немецкого гражданина убежденного до самых глубин своего сердца национал-социалиста, преисполненного решимости бороться за претворение в жизнь своих убеждений, который станет отныне живой и беззаветно преданной опорой всему национальному сообществу – вот конечная цель, которую мы ставим перед собой. Конечно, задача таких масштабов представляется задачей не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня, ибо ее реализация может стать лишь результатом кропотливой работы по индивидуальному и общенациональному воспитанию, для выполнения которой потребуются годы, а может быть, и десятки лет.

Взятие власти национал-социализмом следует рассматривать прежде всего как завоевание важного плацдарма, с которого можно начать работу по ликвидации устаревших за долгие десятилетия и даже века мировоззрений, которые мы – новые немцы – считаем ложными. Оно позволило расчистить место, необходимое для реализации нового возрождения немецкого народа, дало выход национал-социалистическому духу. Германская революция изменила лишь внешние формы Веймарского государства, в основе которого лежала красно-черная система ноября, создала общественную поддержку для национал-социалистического режима. Речь идет о чисто политическом событии, вся важность которого заключается для нас в факте водружения победителем свастики на герб государства. Таким образом, первоначальная общность нового государства и национал-социализма состояла только в идентичности внешней эмблемы. Это объясняется тем, что как философская концепция, полное воплощение которой и является целью долгих лет нашей борьбы, национал-социализм не имеет абсолютно никакого отношения ни к вопросу о формах государственности, ни к вопросу о носителе общественной власти.

Германская национал-социалистическая революция знаменует собой возникновение новой мировоззренческой концепции. Тот факт, что ее основной целью является создание общности всего народа, у которой наличествовало бы расовое сознание, демонстрирует, что новому германскому идеалистическому национализму чуждо стремление к завоеваниям, ибо он обращает всю свою энергию на решение внутренних проблем страны. Любое новое использование негерманского фактора не сможет впредь ослабить организующее германское ядро нашего народа и не принесет более тем, кто будет пытаться сделать это, никаких политических выгод.

В нашем понимании национал-социализм заключается не только в факте существования нового государства как такового, но представляет собой глубокую убежденность, духовное обновление

и утверждение своего концептуального мировоззрения. Двумя основными столпами, базируясь на которых эволюционирует наша жизненная доктрина, являются примат коллективных интересов над личными и создание подлинного народного сообщества. Невозможно быть и стать национал-социалистом, не признав, не прочувствовав и не опосредовав в своих действиях эти главные жизненные ценности национал-социализма.

Эгоизм, личная выгода – самые низменные человеческие чувства. Они оправданны, когда речь идет о проявлении консервативного инстинкта, который существует в допустимых рамках. Однако они быстро деградируют до уровня алчности и примитивной зависти, когда выходят из этих рамок. Именно такая зависть вооружила Каина против Авеля. Накануне мировой войны те же алчность и жадность натравили народы друг на друга, что стоило жизни почти 12 миллионам человек и привело к срыву поступательного развития германской промышленности. Этот порок эгоизма, витающий над человечеством с самого его рождения, должен быть изжит наконец из человеческих сердец. «Я», пишущееся с большой буквы, должно быть заменено на «Ты» или «Мы», если человечество (и прежде всего Германия) хочет жить.

Одновременно необходимо засыпать ров, который был вырыт ненавистью классовой борьбы и ложной верой в солидарность пролетарского интернационализма, с одной стороны, и кастовым духом, тщеславием происхождения, условий жизни, богатства и образования – с другой. Нужно, чтобы в полном соответствии с духом национал-социализма противостояние, порожденное этими различиями, растворилось в святой, грандиозной и всеобщей народной солидарности. Конечно, будет трудно сломать барьеры, возведенные материалистической ненавистью и индивидуализмом между единокровными соотечественниками. Однако именно в этом вопросе бойцам штурмовых отрядов надлежит быть примером, оказывать поддержку и указывать путь.

Национал-социализм – это не только определенная направленность политической воли. Главное, он – философское мировоззрение, требующее для своей реализации политической борьбы. Революция заключается не только в смене соответствующих фаз борьбы за власть и даже не в завоевании этой власти – она предполагает преобразование на базе новой философии самого германского менталитета. Таким образом, национал-социалистическая революция – это процесс философского воспитания; процесс, который берет свое начало в глубине веков и цель которого окажется достигнутой лишь тогда, когда последний член германского сообщества станет в своих помыслах и поступках представителем и носителем доктрины национал-социализма.⁶

⁶ Цит. по: Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т. 3. М., 2000.

Черный креп и коричневая рубашка, или О том, почему немцы так любили военную форму и что значит череп на рукаве

*И то слева, то справа на штатских плечах
Проступают погоны, погоны, погоны...
Михаил Щербаков. «По осенним годам...»*

В общем представлении СС настолько связана с национал-социалистической партией, что, если пытаться разобраться в истории Третьего рейха на основании популярной литературы или многочисленных фильмов, складывается ощущение, что организация эта была выдумана Адольфом Гитлером чуть ли не одновременно с самой НСДАП. Уж больно красиво вписываются в общепринятую картинку черные мундиры с серебром дубовых листьев на петлицах. Но на самом деле появилась она несколько позже, а уж в том виде, в каком мы знаем ее по кино, – и вовсе почти полтора десятилетия спустя.

В первые годы существования партии черных мундиров в ней не было. На ту пору главным партийным цветом был не черный, а коричневый. Цвет списанной армейской рубашки колониального образца, ставшей униформой боевых подразделений НСДАП – штурмовых отрядов.

Впрочем, скажем сразу: кто только не носил на ту пору списанную армейскую униформу! С одной стороны, это было своеобразным шиком, пощечиной общественному мнению и вкусу, всей той декадентско-демократической (или, если угодно, демократическо-декадентской) культуре, что обязана была своим рождением Веймарской республике. По условиям Версальского мира Германия имела права лишь на жалкое подобие армии. Между тем армия была для немцев явлением едва ли не культовым, тем стержнем, несущим элементом, на который опиралась «Германия герра профессора». Так было испокон века: целостность государства, будь то Священная Римская империя, Баварское королевство или Пруссия, его политическое благополучие обеспечивали люди в военных мундирах, и только за их спинами могли спокойно работать, совершая открытия мирового значения, люди в профессорских мантиях. Поэтому каждый немец, имеющий хоть какое-то отношение к армии и уж тем более к Первой мировой войне, если только он не был тяжело контужен вседозволенностью первых мирных лет, считал ношение униформы – или даже отдельных ее элементов – признаком правильного взгляда на мир, проявлением патриотизма. Поэтому в пресловутые коричневые списанные армейские рубашки наряжались не только национал-социалисты, но и многие подданные Веймарской республики, не имевшие ни малейшего отношения к созданной Антоном Дрекслером и подхваченной Адольфом Гитлером политической партии. Другое дело, что именно национал-социалистам первым пришлось в голову придать списанной униформе статус... униформы. Точнее, превратить вышедшую из употребления униформу армейскую в актуальную и наполненную дополнительным символическим значением униформу партийную.

А с другой стороны – заметим ради справедливости – многим насильственно уволенным в запас по условиям Версальского мира ветеранам мировой войны, некоторые из которых едва разменяли третий десяток, было просто нечего надеть из «цивильной» одежды. Списанная униформа была хорошим выходом из ситуации, когда надеть нечего, а достойно и опрятно выглядеть хочется. Между тем на складах ее накопилось достаточно, и приобрести те же самые колониальные рубашки, никому не нужные теперь, когда Германия лишилась колоний, можно было совершенно законно и за сущие копейки. Да и другую военную форму тоже распродавали

весьма активно, не запрашивая за нее лишнего. Что ей, в самом деле, пылиться на складах, коли размеры армии сократилась до комических? Кто теперь будет ее носить?!

Носить, как оказалось, было кому: членам штурмовых отрядов – весьма многочисленных и одиозных подразделений НСДАП, на силу которых партия опиралась в первые годы своего существования. Гитлер, может быть, и хотел бы найти себе опору получше – не такую своевольную, не такую опасную, не такую компрометирующую его политику. Но замены СА на ту пору не было.

Эти полубандитские-полувоенные, чересчур самостоятельные подразделения, формально являвшиеся частью партии, но весьма часто предпринимавшие действия, несколько не согласующиеся с партийной политикой (руководители отдельных подразделений СА вели подчас собственную политическую борьбу, преследовали неугодных и даже содержали, без согласования с партийным руководством, личные концентрационные лагеря для противников и неугодных), были, с одной стороны, незаменимы для выполнения множества задач – от самых щекотливых (политические убийства) до требующих грубой силы (охрана митингов), а с другой – опасны для самого руководителя НСДАП, поверни они штыки против него.

Собственно говоря, своим рождением СС как раз и обязана конфликту, разгоревшемуся в НСДАП вскоре после того, как партия начала набирать силу. Конфликту нешуточному – между политической и силовой частями партии. Силовая часть партии была сформирована Эрнстом Ремом из сил «черного рейхсвера», воинских союзов, военизированных ветеранских организаций.

Рем Эрнст (1887–1934) – руководитель национал-социалистических штурмовых отрядов – СА. Родился в Мюнхене, сделал военную карьеру, воевал в Первую мировую, вышел в отставку в чине капитана. После войны вступил в Добровольческий корпус Франца Ксавье Риттера фон Эппа, где и сблизился с активистами национал-социалистической партии. Был одним из ближайших друзей Адольфа Гитлера. Принимал участие в заговоре Эппа, а также в Мюнхенском путче. Сформировал и возглавил отряды СА. 30 июня 1934 года, в «ночь длинных ножей», арестован бойцами СС и убит.

«Черный рейхсвер» – созданные в Германии в начале 1920-х годов резервные части рейхсвера, не предусмотренные Версальским договором и существовавшие неофициально. Кроме того, существовало огромное число организаций (служивших в том числе и кадровой базой для «черного рейхсвера»), объединявших ветеранов воинских частей, распущенных по требованию стран-победителей, – Добровольческий корпус, «Стальной шлем», «Викинги» и пр.

Далеко не все их члены симпатизировали Гитлеру как главе партии, а уж руководство, состоявшее из кадровых офицеров, и вовсе не стремилось подчиняться «выскочке ефрейтору». Глава одного из наиболее значительных как по численности, так и по влиянию подразделений СА Герман Эрхард, извлекавший немало выгоды от членства в НСДАП, заявлял, что его солдаты – вне политики. А Рем так и вовсе открыто предупреждал Гитлера: «Если вы не хотите идти с нами – мы пойдем без вас. А если будет нужно – и против вас». При этом значительная часть офицеров не таясь утверждала, что пойдет за вождями СА, а не за руководством партии. С каждым днем штурмовые отряды становились все более самостоятельными и все менее зависимыми от партийного руководства. Напротив, все яснее становилось, что их истинный хозяин – не партия, а рейхсвер.

Эрхард Герман (1881–1971) – один из организаторов Капповского путча. Офицер морского флота, служил во 2-й морской бригаде. Организатор ветеранского подразделения «Викинги», бывшего некоторое время одним из крупнейших элементов СА.

Гитлер, как можно понять, даже не будучи специалистом – историком или политологом, не хотел терпеть в рядах НСДАП слишком самостоятельное подразделение со столь активным и самовластным руководством. Но сделать для его обуздания пока ничего не мог, а потому, принимая все возможные меры предосторожности, вынужден был терпеть сложившуюся ситуацию. Активность СА заставляла его не на шутку опасаться не только за свое главенство в партии, но и за саму жизнь. Поэтому весной 1923 года он обзавелся личной охраной из числа «старых борцов», не имевших никакого отношения к Рему и поклявшихся вождю защищать его от врагов до последнего своего дыхания. Фактически – группой телохранителей, но работающих не за деньги, а, так сказать, за идею. Лейб-гвардией. Он сам так писал об этом: «Я сказал себе тогда, что мне необходима личная охрана, пусть немногочисленная, но беспредельно преданная мне, члены которой могли бы пойти против собственных братьев».⁷

Нужно сказать, что клятва относительно «последнего дыхания» не была просто красивыми словами. Как показывает практика, клятва верности, приносимая кадровым немецким офицером, значила для него больше, чем соображения личной безопасности. Поэтому, кстати, не должен вызывать удивления у нас, рассматривающих ситуацию со стороны, опираясь на знание истории, и поражающий наших дедов фанатизм кадровых эсэсовцев, продолжавших боевые действия в безвыходной ситуации, без надежды на победу и пощаду. Дело в том, что для немецкого менталитета вообще свойственно очень специфическое отношение к понятиям «долг», «присяга», «честь». Представьте, что война для вас – не просто исторический эпизод, не просто некий фрагмент жизни, но профессия, доставшаяся по наследству от предков, что армия – это не просто силовые структуры, но часть истории семьи. Примерьте на себя это ощущение – и вам станет более или менее ясно, о чем идет речь. Присяга действительно была для них не пустым звуком, но чем-то большим, чем клятва. Частью образа жизни, образа действий.

⁷ Цит. по: Кнопф Г. СС: черная инквизиция. С. 27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.